

ОДИССЕЙ

человек в истории

Самозванчество как
социокультурный феномен

В этом номере:

Из истории
средневекового портрета

История эмоций

История образования

2024 №1-2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Fraudsters, Impostors and
Imposture as a Sociocultural
Phenomenon*

2024

Moscow
IWH RAS
2024

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Мошенники, самозванцы
и самозванчество как
социокультурный феномен*

2024

Москва
ИВИ РАН
2024

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

*Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем*

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. ред.; отв. секретарь),
О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Б.Н. МОРОЗОВ
кандидат исторических наук М.А. ВЕДЕШКИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.

ISSN 1607-6184

2024. №№1-2 (32-33): Мошенники, самозванцы и самозванчество как социокультурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2024. №№1-2 (32-33). – 433 с.

В двудесятом номере за 2024 год представлены тексты о мошенниках и самозванцах, встречавшихся всюду, от России до Бразилии. Авторы уделяют пристальное внимание социокультурным аспектам этого феномена при реконструкции коммуникаций и актуализируемых повседневных практик в общении самозванцев с различными социальными группами.

Изучению визуальной культуры Средневековья посвящена статья Д. Олариу, в которой посмертные портреты рассматриваются в контексте коммеморативных практик. В номере также представлены статьи по истории Скандинавистики, истории образования, социальной истории и истории эмоций. Раздел рецензий знакомит читателя с сюжетом крестоносного цикла о Рыцаре Лебеда и с новым переводом на русский язык датских хроник.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей.

© Коллектив авторов, 2024

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2024

© Институт всеобщей истории РАН, 2024

О.В. Окунева

САМОНАЗВАННЫЕ ФРАНЦУЗЫ И «БРАТЬЯ ФРАНЦУЗОВ» В БРАЗИЛИИ XVI ВЕКА

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-8

Аннотация: В статье на примере эпизодов из жизни нескольких европейцев, оказавшихся в Бразилии в 1550-х – 1590-х гг., рассматриваются стратегии поведения в недружественном окружении (в частности, попытка выдать себя за другого человека ради спасения жизни). Немец Ганс Штаден, генуэзец Джузеппе Адорно и англичанин Энтони Найвет, независимо друг от друга, решили выдать себя за французов перед захватившими их в плен индейцами. Реакция на заявления «самозванцев» стала проявлением взгляда местных жителей на французов как на союзников в Новом Свете.

Особое внимание в статье уделяется перекрёстно подтверждаемым элементам в историях Штадена, Адорно и Найвета. Это наиболее важно для свидетельства Штадена, самого развёрнутого из всех: рассказ о поначалу неуспешных попытках спастись, назвавшись чужим именем, рассматривался самим автором в первую очередь как повествование об испытании веры и о чудесном спасении, поэтому возможность перекрёстного подтверждения тех или иных деталей как раз и позволяет проводить границу между определёнными фактами и иносказанием.

В статье подчёркивается то обстоятельство, что применение по отношению к Штадену, Адорно и Найвету термина «самозванец» требует оговорок, поскольку все эти люди стремились не получить нечто сверх имеющегося, но сохранить то, что было (собственную жизнь). В этом смысле понятие «самозванец» можно соотнести с идеей «самоназвания» больше, чем «самопризвания».

Ключевые слова: самозванец, Бразилия, XVI век, союзники, меновая торговля, плен, Ганс Штаден, Джузеппе Адорно, Энтони Найвет.

Истории людей, которые с самыми разными целями выдавали себя за других, и реакции окружающих на эти усилия по самой своей природе являются благодатным материалом для исторической антропологии. Здесь труднодостижимая ментальность средневекового человека (человека эпохи Возрождения / человека раннего Нового времени / человека эпохи Просвещения и т.д.) проявляется в действиях: поступки и высказывания фиксируются, показания очевидцев находят отражение в самых разных документах, слухи и до-

мысли на свой собственный лад свидетельствуют о попадании или непопадании самозванцем в нужную струю. И хотя для интерпретации действий самозванца и тех, кто с ним взаимодействовал, всё равно требуется доскональное знание и эпохи, и конкретно-исторической ситуации для различения общепринятого и исключительно, зыбкое поле предположений и допущений, исходящих из общих свойств человеческой натуры, сменяется на пусть и тернистый путь расчистки многочисленных наслоений, но всё же с определённой почвой под ногами.

Известно, что о самозванце говорят не только его собственные действия, но и реакция окружающих; успех или провал зависят не только и не столько от его личного таланта перевоплощения, сколько от готовности его аудитории увидеть и узнать в нём своё собственное представление о правильном и должном. Герои настоящей статьи – немец Ганс Штаден, генуэзец Джузеппе Адорно и англичанин Энтони Найвет – оказавшиеся в Бразилии XVI в. и решившие выдать себя за французов перед захватившими их в плен индейцами, как раз и стали «проявителями» индейского взгляда на французов как на союзников в Новом Свете. Именно через реакции на заявления чужаков и оказалось возможным выявить представления индейцев, которые иным образом оставались бы непрояснёнными, а в дальнейшем – утраченными, поскольку коренное население атлантического побережья Бразилии не обладало письменностью, а под натиском завоевателей оказалось истреблено или рассеяно. Об этом «видении побеждённых», перефразируя известную книгу Н. Ваштеля об индейцах Перу во время Конкисты¹, мы можем те-

¹ *Wachtel*. 1971. Тот же принцип «посмотреть на предмет глазами другого субъекта» применён в английском переводе названия книги известного бразильского антрополога и историка Э. Вивейруса ди Кастро: оригинальное португальское название «Арауэтэ, каннибальские боги» было заменено на: «Смотреть [на вещи] с точки зрения врага: человек и божество в [традиционном] обществе Амазонии». *Castro*. 1992. Современный немецкий исследователь Франц Обермайер идёт в этом вопросе ещё дальше и рассматривает книгу Ганса Штадена через призму, предложенную М.М. Бахтиным в отношении поэтики Достоевского (герой ведёт в своём сознании диалог с самой собой, и это характеризует его психологию лучше, чем строгая рамка, заданная извне писателем), однако подобная идея применительно к текстам XVI в., как представляется, не должна восприниматься буквально. *Obermeier*. 2011: 132–153.

перь судить только по их поступкам, зафиксированным европейцами; катализатором же таких реакций и оказывается появление «самозванцев».

Поскольку доминирующим (хотя и не единственным) смыслом понятия «самозванец» является идея неподкреплённого должным образом притязания на трон или – шире – на власть и влияние (это проявляется даже в популярном психологическом термине «синдром самозванца»: убеждение индивида, что его успех на самом деле им не заслужен), то применение этого термина по отношению к героям настоящей статьи требует оговорок. Штаден, Адорно и на первых порах Найвет стремились не получить нечто сверх имеющегося, а удержать то, что было; скрывали они собственную сущность под маской не из амбициозных притязаний, но для сохранения жизни. В этом смысле русское слово «самозванец» можно соотнести с идеей «самоназвания» больше, чем «самопризвания» (ср. семантическую разницу между однокоренными «звать», называться, прозываться и «звать, призывать кого-то»).

Ещё одно предварительное замечание относится к фрагментарности истории «самоназванности» персонажей данной статьи. Наиболее полно она представлена лишь в случае Ганса Штадена. Захват его в плен, нахождение там и спасение благодаря выдумке рассказаны им самим и обладают сюжетной законченностью. Поскольку индейцы не верят ему с первого раза, Штаден лихорадочно перебирает варианты в поисках того, который сработает, и – выражаясь языком экспериментальной биологии – предъявляет своим пленителям разные стимулы, на которые те отвечают различным образом. Путь к успеху нелинеен, но именно благодаря этому в истории появляются новые детали, важные для практического выживания Штадена (указания на то, как не надо делать) и чрезвычайно ценные для будущего исследователя. В случае Энтони Найвета эпизод с «самоназванием» является достаточно кратким; индейцы верят англичанину с первого раза, поэтому нужды убеждать их, прибегая к различным приёмам, нет (соответственно, нет и разнообразия реакций на эти заявления). Правда, в отличие от Штадена, Найвет решает извлечь выгоду из ситуации и в определённый момент поступает как настоящий самозванец в политическом значении слова, присваивая не полагающуюся ему власть. Наконец, ис-

тория «самоназвания» Джузеппе Адорно – самая краткая из всех и заключается в эпизоде, рассказанном третьими лицами; финал её неизвестен. Имеющиеся детали относятся только к первичной реакции индейцев на заявление генуэзца. Тем не менее они весьма значимы, т.к., будучи зафиксированы независимо от Штадена, перекликаются с некоторыми элементами его истории и тем самым переводят сведения из разряда уникальных (единичных) в разряд верифицируемых. Заметим, что для повествования о чудесном спасении Штадена благодаря идее назваться чужим именем подтверждение при перекрёстном сравнении особенно важно, ведь исключительность ситуации и естественный для XVI в. провиденциализм, доходящий до экзальтации, вкупе с тем фактором, что выживший публикует свою историю в ожидании благосклонности публики и знатного покровителя, накладывают на свидетельство свой отпечаток. В силу этого рассказ о нескольких неуспешных попытках, окончившихся тем не менее благополучно благодаря настойчивости и вере, может прочитываться и как архетипичное повествование об испытании праведника с соответствующей назидательной окраской. Возможность перекрёстного подтверждения тех или иных деталей как раз и позволяет проводить границу между определёнными фактами и иносказанием.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что в реконструированной на следующих страницах истории о том, как иностранцы выдавали себя за французов, удельный вес материала, относящийся к Штадену, значительно превосходит сведения, относящиеся к Адорно и Найвету. Это связано со своеобразием источниковой базы: долгое время свидетельство Штадена вообще было единственным в данном отношении и представляло собой уникальную информацию. Уловка немца для спасения жизни не привлекала специального внимания исследователей, поскольку затмевалась другими яркими элементами его рассказа (в частности, описанием практически «из первых рук» ритуальной антропофагии племени тупинамба́, тупиникинов и родственных им групп)². Наблюдения Штадена, пи-

² Анализ того, как именно Штаден описывал и представлял в Старом Свете ритуальную антропофагию бразильских индейцев см. в: *Schlechtweg-Jahn R.* 1997: 419–437; *Obermeier F.* 2001: 49–72; *Whitehead N. L.* 2000: 721–752; критика подхода Н.Л. Уайтхеда: *Schmölz-Häberlein M., Häberlein M.* 2001: 745–751.

савшего от первого лица и с опорой на непосредственный опыт, побуждали исследователей размышлять над более общими вопросами восприятия инаковости Нового Света, конструировании образа Другого и способами осмыслить и принять эту радикальную непохожесть³. Среди направлений исследования творчества Штадена были также штудии, связанные со сравнительным анализом книг не просто европейских, но именно немецких путешественников в Южную Америку (сопоставление свидетельств Штадена и Ульриха Шмиделя, побывавшего в окрестностях Рио-де-Ла-Платы в середине XVI в.)⁴.

История о том, как Штаден, находясь в плену у индейцев атлантического побережья Бразилии, выдавал себя за француза, не замалчивалась, но, скорее, являлась «проходной» и служила иллюстрацией к рассказам более известных французских путешественников в Бразилию XVI в. Андре Теве и Жана де Лери о плаваниях их соотечественников и о дружеских связях с местным населением в противовес всем усилиям португальцев. Более того, некоторые исследователи делали вывод о том, что спасение Штадена было связано не столько с его ролью якобы француза, сколько с тем, что он начал действовать среди индейцев как шаман (подробнее об этом ниже). Интересно при этом отметить, что сам термин «самозванец» применительно к Штадену практически не использовался. Американская исследовательница А. Меткалф популяризировала в отношении Штадена другое обозначение – «go-between»⁵ (дословно с английского: тот, кто перемещается между мирами, посредник, связной), что перекинуло мостик к исследованиям на сей раз уже французских историков деятельности известных по книгам Андре Теве и Жана де Лери старожилов-переводчиков «truchements»⁶ (речь идет о французах, остававшихся в XVI в. жить среди бразильских индейцев, чтобы в дальнейшем, благодаря знанию языка и

³ *Harbsmeier M.* 1987: 337–356; *Kiening Ch.* 2000: 483–507; *Obermeier.* 2011: 132–153.

⁴ *Smith D.* 1977: 1–19; *Jantz H.* 1976: 91–101; *Neuber W.* 1989:43–64; *Menninger A.* 1992: 63–98; *Harbsmeier M.* 1994; *Kaltischke M.* 1996: 120–151; *Obermeier F.* 2005:73–128.

⁵ *Metcalf.* 2005; *Duffy, Metcalf.* 2012.

⁶ *Gruzinski.* 1992:19–28; *Gannier.* 1999: 24–38; *Gannier.* 2003:1–15; *Bonnote.* 2015:129–148; *Grégoire.* 2024:123–140.

местных реалий, облегчать процесс меновой торговли; термин использовался также и в Канаде на раннем этапе её колонизации).

Перевести эпизод с самоназванием себя французом из разряда «фона» и «подтверждающего свидетельства» в разряд самостоятельного сюжета для разработки позволило обнаружение автором этих строк схожей коллизии в записках английского авантюриста Энтони Найвета (они стали доступны благодаря критическому изданию начала 2000-х гг.) и – в гораздо большей степени – находка, сделанная в опубликованном многотомном корпусе донесений португальских (и не только) иезуитов из Бразилии: очень близкий эпизод с генуэзцем Джузеппе Адорно, ранее, насколько мне известно, не привлекавшей внимания исследователей. Несмотря на краткость историй Найвета и Адорно, их первая – помимо остальных достоинств – ценность заключается в том, что они превратили слова Штадена из уникального свидетельства в верифицированную и чуть ли не серийную информацию. Первоначально эти три эпизода рассматривались мной для изучения «коллективного портрета» французов глазами их индейских союзников⁷, однако благодаря конференции, организованной весной 2023 г. редколлекгией «Одиссея», оказалось возможным вписать рассказ о Штадене, Найвете и Адорно в широкий контекст проблематики самозванчества и взглянуть на приключения европейцев в раннеколониальной Бразилии под другим углом.

Сама идея выдать себя за француза ради спасения жизни была связана со своеобразным раскладом сил в португальской Америке XVI в. До середины столетия Португалия не занималась планомерной колонизацией своих территорий в Новом Свете, поскольку торговля с Индией приносила больше прибыли. Этим воспользовались французы, которые уже с первых десятилетий XVI в. отправляли в Бразилию торговые экспедиции, не создавая при этом постоянных поселений, но завязывая хорошие отношения с определёнными племенами атлантического побережья. Соперничество португальцев и французов продолжалось много лет, хотя португальцы за это время расширяли своё колониальное проникновение, а французы так оставались на уровне единовременных, хоть и регулярных по-

⁷ Окунева. 2012.

сещений. Подобная стратегия низовых контактов частных лиц⁸ долго оставалась достаточно успешной: на её основе даже возникли две недолго просуществовавшие французские колонии в Бразилии. Важно подчеркнуть, что торговые контакты (меновая торговля) французов и индейцев тупинамба приносили выгоду обеим сторонам и были хорошо известны как португальцам (до поры до времени они ничего не могли с этим поделать), так и иным – помимо тупинамба – индейцам побережья.

Франко-португальское соперничество наложило на внутрииндейские междоусобные войны, подчас весьма кровопролитные. Свою роль здесь сыграл и свойственный коренному населению атлантического побережья Бразилии образ мышления, основанный на постоянном противопоставлении «свой–чужой»⁹. Принцип «Друг моего врага – мой враг» воплотился в действии: те, кто поддерживал французов, ненавидел португальцев и их (португальцев) индейских союзников; те, кто терпеть не мог французов, делал это в большей степени из-за того, что их (французов) поддерживали ненавидимые враги из соседней индейской общины. «Дикари, поддерживающие португальцев, воюют с теми, кто держит сторону французов, и наоборот», – отмечал в 1557 г. французский путешественник Андре Теве¹⁰. Соответственно, весь смысл затеи назваться французом был связан с тем, что и Штаден, и Адорно, и Найвет оказались во власти индейцев, тесно общавшихся с французами.

Дихотомия «свой-чужой» во внутрииндейских отношениях выражалась, в числе прочего, в ритуальной антропофагии. Она была строго кодифицирована и распространялась исключительно на захваченных в плен врагов, но никого из европейцев, не понимавших сути столь неутолимой вражды между близкородственными племенами¹¹, не утешала мысль, что стоит им оказаться в плену, как по истечении времени их оглушат дубиной, а тело поджарят на

⁸ В первую половину XVI в. французские мореплаватели и купцы отправлялись в Южную Америку порой даже вопреки прямым запретам королевской власти; во второй половине столетия корона это уже не запрещала, но сама пользовалась «наработками».

⁹ Подробнее о подобном наложении двух видов конфликта: *Whitehead*. 1999: 127–150; *Whitehead*. 1999: 382–441.

¹⁰ *Thevet, Lestringant*. 1997: 158, 159.

¹¹ *Fausto*. 1999: 251–282.

решётке из прутьев и разделят между членами общины – и всё это без особой ненависти к ним лично, но во имя символического воссоединения ранее погибших от рук врагов родичей с теми, кто остаётся в живых.

Идея назваться французом, т.е. другом, которого не следовало убивать, в такой ситуации напрашивалась сама собой. Но одного лишь заявления было недостаточно: и Штаден, и отчасти Адорно столкнулись с необходимостью подтвердить свои слова действиями. Штаден путём проб и ошибок сумел нащупать нужную линию поведения, но не всем так повезло. «Я уже захватил и съел пятерых португальцев: все они утверждали, что являются французами, но это была ложь», – заявил ему предводитель по имени Кониан Беб¹².

Вот как развивалась история самоназванного француза Штадена. Этот уроженец города Хомберг отправился в Новый Свет, поступив на службу испанскому королю, однако после кораблекрушения оказался во владениях португальской короны. Штаден стал нести службу уже другому монарху, поселившись в форте Санта-Катарина (современный бразильский штат (не путать с городом) Рио-де-Жанейро). Отлучившись ненадолго из форта, Штаден оказался захвачен в плен, причём индейцы прекрасно знали, что они нападают именно на солдат из форта, а не на абстрактных европейцев – данное обстоятельство имело большое значение, т.к. на этом участке побережья высаживались и французы. Мысль о том, чтобы придумать себе какую-нибудь связь с ними, пришла Штадену в голову довольно быстро, но индейцы остудили его пыл:

Я сказал им тогда: «Я не португалец, я друг французов и [уроженец] края, который называется Герма-

¹² Здесь и далее сочинение Штадена цитируется по следующему изданию: *Staden*. 2005: 103. Перевод мой – *O.O.*

Среди последних по времени критических изданий книги Штадена назовём: *Hans Staden*. 2007; *Hans Staden's True History*. 2008. Отметим также готовящуюся к изданию на бумаге, а в настоящий момент существующую в электронном виде на личной странице Ф. Обермайера в Интернете новую версию критического издания 2007 г. с переводом на португальский язык: *Hans Staden*. 2023.

Обо всех изданиях и переводах Штадена на европейские языки (а также о переложениях его истории в жанре комиксов, художественных фильмов и т.п.) см.: *Obermeier, Schiffner*. 2023.

нией». Они мне ответили, что я их обманываю; если бы я был другом французов, то не очутился бы вместе с португальцами, ведь они (индейцы) хорошо знали, что французы... были врагами португальцев¹³.

Дальнейшая история «самозванства» Штадена и была заключена между двумя полюсами: доказать, что он не тот, за кого его принимают (он не португалец) и убедить, что он тот, за кого они должны его принять (он француз или родич французов). Аргументами служили то внешний облик, то умение или неумение говорить по-французски, то свойственное французам – по мнению индейцев – поведение, то ссылки на третьих лиц. Индейцы же то склонялись к его доводам, то решительно их отбрасывали, и тогда перед немцем снова маячила перспектива гибели и съедения; таких циклов оказалось несколько, а переходы от весьма вольного толкования характеристики «брат французов» к буквальному её пониманию и обратно даже сейчас кажутся невероятными.

Хронологически последовательность действий Штадена была такова. Его захватили в плен в 1551 или 1552 г. Через три месяца этого плена происходит первое «освидетельствование личности очевидцами»: к похитителям Штадена возвращается их соплеменник, сам сбежавший от португальцев, и знавший о Штадене ещё со времён кораблекрушения. Он сообщает своим, что «некоторое время назад на побережье потерпело крушение [европейское] судно; спасшиеся с него называли себя испанцами и были друзьями португальцев; [Штаден] был среди них». Сам же Штаден, «зная, что в этом краю были французы и сюда прибывали их корабли, продолжал настаивать, что [является] другом французов; [он] молил пощадить его до того времени, как приедут французы и его признают»¹⁴.

Надежда на собратьев-европейцев поначалу не оправдалась. В окрестностях деревни, где удерживали Штадена, действительно появился француз с недавно прибывшего корабля, чтобы выменять европейские товары на индейские. Однако вопреки надежде Штадена на помощь христианина христианину француз не стал ему подыгрывать. Индейцы устроили обоим очную ставку: француз заговорил со Штаденом по-французски, а тот не смог ему ответить.

¹³ *Staden*. 2005: 94.

¹⁴ *Staden*. 2005: 97.

Более того: по словам Штадена, жестокосердный француз заявил по-индейски: «Убейте его и съешьте, этот подонок – португалец, ваш и мой враг». Такое убийственное во всех смыслах утверждение не означало, тем не менее, немедленной расправы; у Штадена оказалось время на то, чтобы в уединении своей хижины запеть псалом в ожидании смерти, проливая обильные слёзы. «Индейцы, видя это, сказали: “Это настоящий португалец! Видите, как он боится смерти?”»¹⁵.

Следующий этап в «установлении личности» Штадена произошел в присутствии предводителя Кониан Беба. После провала первой очной ставки надеяться, как казалось, было не на что, но Штаден и тогда продолжал настаивать на своей версии; неумение отвечать по-французски он объяснил тем, что за время долгого отсутствия на своей мнимой родине забыл язык¹⁶.

Десять лет спустя схожий эпизод с очной ставкой, экзаменованьем пленника на знание французского языка и участием во всём этом французов, которые выступают на стороне обвинения или остаются нейтральными, но не бросаются спасать собрата-европейца, произошёл с генуэзским капитаном Джузеппе Адорно. Об этой истории известно из письма португальского иезуита Жозе де Аншьеты, отправившегося вместе со своим старшим товарищем Мануэлом де Нобрегой к вождям индейцев тамойо в 1563–1564 гг. договариваться о мире. До того, как начать переговоры с иезуитами, – рассказывает Аншьета, – один из вождей обратился к сопровождавшему его французцу и осведомился у него о личности генуэзского капитана. Француз ответил, что это человек, хорошо говорящий по-французски и, по его собственному заявлению, воспитывавшийся во Франции, но не являющийся его личным кровным родственником¹⁷. Последнее замечание перечеркнуло все прочие доказательства близости к французам. «Услышав, что капитан не француз,

¹⁵ *Staden*. 2005: 98. Индейский кодекс чести предписывал пленнику перед смертью никоим образом не показывать страха, а, наоборот, задирать и оскорблять своих будущих палачей. Когда попавшие в плен португальцы молили индейцев о пощаде и зывали к милосердию, индейцы проникались к ним презрением (и всё равно их убивали), а европейцы ещё больше уверялись в варварской жестокости дикарей.

¹⁶ *Staden*. 2005: 103.

¹⁷ Carta do Ir. José de Anchieta ao P. Diego Laines. 1965:136.

вождь дал волю своей ярости..., дело принимало опасный оборот, и я счёл нужным предупредить капитана о грозившей опасности», – писал Аншьета¹⁸.

Таким образом, неумение Штадена поддержать диалог по-французски, конечно, сильно осложнило его участь, но и умение Адорно хорошо разговаривать по-французски, да ещё и засвидетельствованное пользующимся доверием индейцев французом, тоже не стало ему охранной грамотой и не послужило причиной немедленно его отпустить. Возможно, пройди Штаден этот лингвистический тест, он тоже не оказался бы на свободе, а получил бы следующее испытание. Судя по рассказу немца, после провала очной ставки и встречи с предводителем Кониан Бебом он вновь получил отсрочку; возможно, индейцы всё ещё не понимали, кто он такой или же ждали нужного момента (судьбой пленника распорядился захвативший его в плен, и именно он решал, когда убивать жертву).

Тем временем одни похитители Штадена заболели, а другим приснились сны, возвещавшие их смерть из-за Штадена. Конечно, это нельзя считать плодом собственных усилий немца по организации своего спасения, в отличие от его заявлений и действий (так, например, немец в первый раз примерил на себя роль «целителя», хотя и без убедительного успеха). В любом случае, самозванец чутко уловил реакцию индейцев и обратил её себе на пользу:

Старухи из деревни, которые больше всего меня изводили, <...> стали успокаиваться и говорить мне: «Мой сын, сохрани мне жизнь. Когда мы плохо с тобой обращались, это было от того, что мы принимали тебя за одного из тех португальцев, что мы ненавидим. Мы уже захватили и съели многих из них, но тогда их бог не рассердился на нас так, как это сделал твой бог из-за тебя; это доказывает нам, что ты не из их числа»¹⁹.

В данном эпизоде перекрёстно подтверждаются два элемента: загадочные болезни, которые появляются у индейцев после контактов с европейцами (эти инфекции могут как озлобить индейцев,

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ *Staden*. 2005: 115.

так и, напротив, заставить их держаться подальше²⁰), а также описанное другими путешественниками периодическое (само)внушение индейцев, что на них воздействуют злые силы. Когда сторонний европейский наблюдатель при этом не фиксировал объективных причин (наподобие молний, землетрясений, солнечных затмений) для вполне реального страха, он, будучи человеком XVI столетия, логично заключал, что индейцев мучают бесы. В книге французского путешественника Жана де Лери описывались такие эпизоды «бесовских искушений», а одна из иллюстраций к его рассказу (резко выбивающаяся по стилю из всей совокупности гравюр) прямо озаглавлена «Индейцы, мучимые дьяволом». Индейцы в этот момент становились необычайно «податливыми» и хватались за любой способ избавления от воздействия злых сил, так что если европейцы (и португальцы, и французы) рассказывали им в этот момент о крещении как способе усмирения нечистых духов, то индейцы с готовностью его принимали. Правда, после «приступа» они вновь возвращались к прежней жизни, так что Жан де Лери приводил по этому поводу французскую поговорку «Стоит только пройти опасности, как над святым начинают насмехаться»²¹. Португальцы, которые, в отличие от французов, вели целенаправленную миссионерскую работу, весьма огорчались такому непостоянству и пытались с ним бороться²².

На время болезней и сновидений своих похитителей Штаден оставался в промежуточном положении «ни свой, ни чужой». Индейцы не могли решить, француз он или португалец, и на этом этапе в ход пошло обсуждение его внешности: «они не могли окончательно постановить, кто я: у меня, – говорили они, – рыжая борода, как у французов, а у всех португальцев борода чёрная». Эта живописная деталь подтверждается другими европейскими авторами. Так, немецкий торговец, живший на Мадейре, сообщал в 1514–1515 гг., что по сведениям португальских моряков, побывавших в Бразилии, индейцы вспоминают о рыжебородых людях, приплыв-

²⁰ В контексте франко-индейских контактов подобная ситуация была отмечена в годы существования первой французской колонии в Бразилии (1555–1560). – [Barré]. 1878: 384–385.

²¹ Léry. 1999: 387–388.

²² Castro. 1992: 21–74.

ших в Бразилию не на португальских кораблях и одетых не так, как португальцы²³. Несколькими десятилетиями позже, уже ближе к концу XVI века, португалец Габриэл Соареш де Соуза, автор «Трактата с описанием Бразилии в 1587 г.» заявлял, что в некоторых племенах, поддерживавших связи с французами, встречались дети от смешанных браков, унаследовавшие внешность отцов-французов – светлые волосы и светлую кожу, иногда даже с веснушками²⁴. В начале XVII в., уже в другом регионе Бразилии (значительно севернее тех мест, где держали в плену Штадена) французские миссионеры утверждали, что местные племена без труда различают по лицу французов от португальцев²⁵. И хотя тезис о том, что все французы рыжебороды или имеют светлые волосы, кажется сейчас удивительным, он объясняется тем, что отправлялись в Бразилию чаще всего уроженцы Нормандии и Бретани, и именно их внешность индейцы стали считать отличительной особенностью всех французов.

Возвращаясь к остающемуся пока «ни своим, ни чужим» Штадену, отметим, что через некоторое время он вновь столкнулся с тем самым французом, который предложил индейцам убить его и съесть. Тот никак не ожидал увидеть немца в живых, и стал оправдываться тем, что искренне заблуждался на его (Штадена) счёт. Штаден вновь повторил ему всю свою историю и вновь стал просить засвидетельствовать его «не-португальскость» перед индейцами. Француз выполнил просьбу: и поговорил с индейцами, и объявил о собственной первоначальной ошибке, и даже сообщил о намерении забрать пленника с собой туда, где причаливают французские корабли. Увы, это не помогло: изначальный отзыв о Штадене перевесил. Француз, судя по всему, сам был смущён таким оборотом; он всё же очистил свою совесть настоятельным призывом к индейцам не убивать пленника, поскольку «наши» (т.е. французские) друзья дадут за него выкуп²⁶, после чего отбыл восвояси. И хотя во второй раз он выполнил все просьбы Штадена, немец до конца своих злоключений его не простил.

²³ La Gazette de la terre du Brésil. 2000: P. 83.

²⁴ Soares de Souza. 2000: 253.

²⁵ Evreux. 1985: 83.

²⁶ Staden. 2005:117–118.

С этого момента в истории «самопровозглашения» Штаденом себя французом и другом французов начинается новый виток. Немец так ждал подтверждения своей выдумки от третьего лица, так за него боролся, но, когда его получил, радости ему оно не принесло. Оказалось недостаточным ни голословно назвать себя французом, ни выглядеть, как француз, ни даже добиться, чтобы француз назвал его «другом французов». Теперь нужно было ещё и вести себя, как француз в представлении индейцев! Штаден опять провалил тест.

Стоило тому французу уехать, как один из моих хозяев спросил меня: «Что дал тебе твой соотечественник-француз? Почему он не подарил тебе какой-нибудь ножик, который ты бы отдал мне?» [Мой хозяин] очень на меня рассердился; с той поры, как к [моим похитителям] вернулось здоровье, они вновь начали плохо со мной обращаться и говорить, что в конечном счёте французы не намного лучше португальцев, что вновь меня встревожило²⁷.

Итак, из реакции индейцев проступает новая – социальная – составляющая образа француза. Настоящий француз просто обязан вести с индейцами меновую торговлю и привозить им нужные (индейцам) предметы, в первую очередь металлические орудия. Встреченные индейцами французы, действительно, преимущественно занимались вымениванием индейских вещей или продовольствия на почти универсальную «валюту» (ножи, топоры, бусы, зеркала), поскольку целью их нахождения в Бразилии было получение местных товаров, которые пользовались большим спросом в Европе. Именно взаимовыгодная меновая торговля оказалась самой прочной основой всех франко-индейских взаимоотношений в португальской Америке²⁸. И если во французских произведениях 1550-х – 1560-х гг. мы находим прямые утверждения, что меновая торговля с французами является *природным* и исконным занятием индейцев²⁹, то в

²⁷ *Staden*. 2005:118.

²⁸ *Окунева*. 2023.

²⁹ В так называемом «бразильском спектакле» 1550 г., сопровождавшем торжественный въезд французского короля Генриха II в Руан, меновая торговля с французами представлена столь же привычным и повседневным

речах похитителей Штадена по другую сторону Атлантики та же ситуация дана «с индейской стороны»: для них меновая торговля является непременным атрибутом как раз французов.

С французской точки зрения, европейские безделушки были универсальной оплатой и индейских товаров для дальнейшей перепродажи, и продовольствия для собственного непосредственного потребления на месте, и услуг. Однако граница между платной услугой и бескорыстным даром не всегда формализована: так, некий француз, оставшийся среди индейцев без запаса безделушек на обмен, умер с голода после того, как выменял у них последнюю рубашку, так что других способов получить продовольствие от индейцев у него не осталось³⁰. Очевидно, что индейцы воспринимали такой обмен как равноценную сделку, которая заканчивается тогда, когда у одной из сторон иссякает обмениваемый ресурс; французский же автор рассказывает о таком эпизоде с трепетом (хотя и не высказывает однозначно негативной оценки), поскольку для него ситуация явно не равна одной лишь торговле. С другой стороны, те же французские путешественники отмечали, что раздача безделу-

занятием индейцев, как охота, отдых в гамаке, сражение с неприятелем. – *C'est la déduction*. 1551: 39v–40r. (гравюра), 40v–41r (текст).

На географических картах французских авторов, где, по традиции того времени, внутри контуров материков часто размещались жанровые сценки, подобный товарообмен показан либо напрямую (изображены торгующие французы и индейцы), либо в неполном виде (индейцы несут товары на обмен) в расчёте на узнаваемость сцены, которую зрители достроят в своём воображении сами – *Rotz*. [1535–1542]: 28r.; [*Vaillard*]. 2000: 39; *Le Testu*. 1555: 45v.

Торговля местными товарами прямо обозначена в качестве характеристики индейских мужчин и женщин в «Сборнике о разнообразии нарядов, находящихся ныне в употреблении в Европе, Азии, Африке и на островах дикарей» (1567): «Их естественным занятием является рубка красного дерева, // Чтобы потом пустить его на продажу» (так описывается «Бразилец»); «Обезьян, а также попугаев // Они предлагают для продажи иностранцам» (характеристика «Бразильянки»). – [*Desprez*]. 1567: без указания номера страницы.

³⁰ Этот эпизод приведён в полемическом по своему характеру сочинении XVI в., поэтому данное свидетельство не вполне нейтрально (хотя критика автора относится не к индейцам, а к тому человеку, который оставил путешественника без товаров на обмен): *Histoire des choses memorables*. 1561: 26.

шек во время посещения индейской деревни есть хороший способ заручиться добрым к себе отношением, а подарить несколько вещей после радужного приёма у индейцев и вовсе является признаком благосопитанности гостя³¹.

Итак, именно этому поведению должен был подражать Штаден, чтобы его признали французом. Знал ли о таких правилах игры тот заезжий француз, который сначала чуть не приговорил немца к смерти своими заявлениями, а потом заявил индейцам о своей ошибке? Это вполне возможно: он не раз приходил за товарами в индейскую деревню, где держали Штадена, умел говорить по-индейски (живописная деталь: даже с немцем он говорил именно по-индейски³², поскольку, как оба уже выяснили, Штаден не знал французского), а также очень остерегался перейти черту и рассердить индейцев³³. В этом случае поддержка заезжего французского оказалась половинчатой (без подкрепления подарками заявление о «французскости» теряло половину убедительности), а могла и вовсе оказаться своей противоположностью – изощрённым *неоказанием* помощи в опасности. Впрочем, такое предположение не подкреплено доказательствами.

Как бы то ни было, гневные речи похитителей Штадена в адрес французских, которые не удосуживаются привезти своим якобы соотечественникам подарков на раздачу индейцам, навели немца на мысль, которая в результате оказалась удачной. Все дальнейшие усилия самозванца-Штадена будут направлены на то, чтобы соответствовать «социальной» роли французского-подателя благ и на то, чтобы играть по индейским правилам, невзирая на абсурдность ситуации.

Поскольку форт, из которого в своё время похитили Штадена, располагался не так уж далеко от деревни, где он находился в плену, к индейцам иногда приплывали португальцы (!), предупреждая их о своём визите выстрелом из пушки. Штаден придумал такую схему:

³¹ Такие суждения с разницей в несколько десятилетий высказывали Жан де Лери, побывавший в Бразилии в конце 1550-х гг. и Клод д'Аббиль, оказавшийся там в 1612–1614 гг.: *Léry*. 1999: 460; *Abbeville*. 1614: 286v.

³² *Staden*. 2005: 116–117.

³³ *Staden*. 2005: 117–118.

Я подумал, что португальцы начнут обо мне спрашивать [у индейцев], и, дабы это не укрепило их в мысли, что я португалец, я предварительно рассказал им, что среди этих португальцев у меня есть брат-француз. [...] Когда я увидел приближающийся [корабль из форта], я сказал индейцам, что это мой брат, но они продолжали настаивать, что я был португальцем³⁴.

Не вполне понятным образом Штаден довёл свою выдумку до сведения не только индейцев, но и португальцев с корабля, среди которых действительно обнаружился француз (!) по имени Клаудио Мирандо. Его Штаден «назначил» своим братом. В результате, когда португальский корабль пристал к берегу, португальцы послали за Штаденом со словами, что его спрашивает его брат. Индейцы возвестили это Штадену, но отпускать на разговор «с братом» не хотели – из опасения, что Штаден передаст португальцам план индейцев напасть на форт. С другой стороны, «брат-француз» якобы прислал «брату-Штадену» ящик товаров на раздачу, и препятствовать встрече было бы невыгодно. В результате индейцы привезли Штадена на шлюпке к кораблю, но подняться на борт не разрешили; разговор состоялся «на расстоянии броска камня». Штаден несколько раз в течение разговора напомнил португальцам, что индейцев надо держать в убеждении, что он, Штаден, француз, а также попросил несколько ножей и рыболовных крючков на раздачу³⁵.

Я раздал [индейцам] ножи и крючки со словами: «Вот что дал мне мой брат-француз». [На вопрос, о чём я с ним говорил, я ответил]: «Я старался убедить его [брата-француза] отстать от португальцев и отправиться к нам на родину, чтобы вернуться сюда с кораблём товаров и вознаградить [индейцев], потому что они были хорошими и хорошо со мной обращались» [...] Они стали говорить между собой: «Совершенно очевидно, что это француз; будем с ним впредь обращаться получше». Я позаботился о том, чтобы поча-

³⁴ *Staden*. 2005: 110.

³⁵ *Staden*. 2005: 124–125.

ще им повторять, что вскоре за мной придёт корабль с выкупом³⁶.

Через некоторое время в окрестностях и впрямь возник на сей раз уже французский корабль, и в индейской деревне появились гости, скупавшие местные товары. Один из них, по имени Жак, увидел Штадена и попросил разрешения забрать его с собой. Хозяин Штадена продолжал требовать за него большой выкуп, а сам Штаден рвался на корабль, куда индейцы его не пускали с такими словами: «Это не твои друзья [sic! – *O.O.*], ведь они даже не дали тебе рубашки, чтобы ты не ходил нагим. Ты сам видишь, что им наплевать на тебя». «В конечном счёте, – признавал впоследствии Штаден, – это действительно было так»³⁷.

Положение Штадена пока что неуловимо изменилось. Его по-прежнему удерживали в плену, но теперь уже он сам был нужен индейцам – в частности, чтобы идти с ними на войну; угрозы смерти сменились увещаниями и даже обещаниями отпустить его на корабль, но только после военного похода. Можно предположить, что Штаден получил некоторые функции шамана и был нужен индейцам именно в этом качестве³⁸. Однако немцу отчаянно надоели эти игры; он бросился к шлюпке и добрался до французского корабля, где встретил неожиданный приём:

Когда я захотел подняться на борт, матросы оттолкнули меня со словами, что, если бы они забрали меня вопреки воле дикарей, те взбунтовались бы против них и стали бы их [французов] врагами. Я был вынужден вернуться на берег³⁹.

Уклониться от военного похода с индейцами Штадену не удалось; ему всё время обещали по возвращении отпустить на корабль,

³⁶ *Staden*. 2005: 126.

³⁷ *Staden*. 2005: 131.

³⁸ Шаману полагалось, среди прочего, воодушевлять воинов перед походом обещаниями победы. Когда с расспросами, будет ли грядущая вылазка удачной, обратились к Штадену, он ответил утвердительно только для того, чтобы не раздражать своих похитителей. Когда «предсказание» сбылось, индейцы сочли, что немец лучше их собственных шаманов. *Staden*. 2005: 141.

³⁹ *Staden*. 2005: 133.

но ожидание затягивалось, поскольку после удачной вылазки полагалось устроить большой праздник, во время которого происходила ритуальная антропофагия. Немец, который в начале своих приключений сам был кандидатом на съедение, теперь – судя по его рассказу – демонстрировал какое-то наивный эгоизм, доходящий до жестокосердия: на празднике должны были убить и съесть двух христиан, но Штадена волновала лишь досадная трата времени и проволочка с выполнением обещанного. Когда он узнал, что французский корабль поднял якорь без предупреждения и отплыл, то был вне себя от огорчения, а индейцы утешали его (!), говоря, что этот корабль возвращался за бразильскими товарами каждый год⁴⁰.

В каком качестве Штаден ходил на войну вместе со своими похитителями? Может показаться, что теперь безо всяких заявлений его молчаливо признают кем-то иным: уже не тем пленным врагом, каким он был вначале. Насколько это работает на его образ самоназванного француза? Такая ипостась французов, как «военный союзник индейцев», действительно фиксируется в разных источниках, причём различным образом. Общим остаётся то, что индейцы берут с собой французов на войну с их, индейцев, врагами. У участников первой французской колонии в Бразилии («Антарктическая Франция», 1555–1560) проскальзывают обрывки сведений о том, что руководитель колонии, Н.Д. де Вильганьон, то ли снарядил военную экспедицию против индейцев, враждующих с его союзниками, то ли, наоборот, пытался от неё уклониться, но так, чтобы не разозлить «своих»⁴¹. Жан де Лери, побывавший в колонии, рассказывал, что однажды своими глазами видел военную вылазку индейцев, но не принимал в ней участия, а лишь, оказавшись захваченным общей энергией битвы, несколько раз выстрелил из пистолета, что чрезвычайно воодушевило индейцев⁴². Несколькими десятилетиями позже французский капитан Брюно де Риведу советовал соотечественникам, попавшим в Бразилию, завоёвывать симпатию индейцев красноречивыми заявлениями и жестами: нужно дать по-

⁴⁰ *Staden*. 2005: 146.

⁴¹ «Свой» же приветствовали его прибытие, считая, что французы будут защищать их от их (индейцев) врагов: [*Barré*]. 1878: 379. О предполагаемой вылазке Вильганьона см.: *Lestringant*. 1981: 226.

⁴² *Léry*. 1999: 352.

нять, что вы убили множество врагов (на тот момент уже португальцев и испанцев) – больше, чем пальцев на руках и песка на берегу⁴³. На практике этот совет осуществил англичанин Энтони Найвет: (само)назвав себя французом, он с большим воодушевлением принялся подстрекать индейцев к войне с португальцами, похвально при этом собственными доблестями⁴⁴. А во времена второй французской колонии в Бразилии («Равноденственная Франция» в Мараньяне, 1612–1615) необходимость заручиться военно-политической поддержкой окрестных племён, чтобы обеспечить саму возможность пребывания в этом регионе, привела к активной пропагандистской работе на два фронта: пока в Мараньяне индейцам обещали поддержку против их врагов⁴⁵, в самой Франции «реклама» всего предприятия шла под флагом защиты индейцев от притеснений и ответа на их (индейцев) горячее желание принять у себя французов⁴⁶.

Отвечая образу «француза-военного союзника», Штаден не забывал и об образе «француза-торгового партнёра». Экипаж очередного французского корабля согласился ему в этом подыграть. В заключительной части автобиографического рассказа появляются комические нотки, а «игра во француза» становится уже не способом спасти жизнь, но подтруниванием над недалёкими и наивными (хотя и опасными, если их разозлить) индейцами. Они сами бегут рассказать Штадену о прибытии корабля (впрочем, немец не забывал напоминать им о грядущем выкупе). Формального хозяина немца принимают на борту корабля и развлекают; когда тот вспоминает об обещанном выкупе, его стараются отвлечь и переключить

⁴³ *Rivedoux*. 1996: 96.

⁴⁴ *Knivet*. 2003: 78.

⁴⁵ См., например: *Abbeville*. 1614: 57v, 58; *Evreux*. 1985: 57–59, 141.

⁴⁶ О подобной «рекламной кампании» в самой Франции можно судить по сохранившимся реакциям на неё: под влиянием разговоров о том, что индейцы просят себе французов, некоторые простые люди даже завербовались в колонию и отправились в Бразилию (*Preguntas de Antonio Landuzeo Gascon*. 1905: 271). Удивительно, но отзвуки этой кампании дошли до слуха... первых русских послов во Франции, отметивших в отчёте о своей миссии, что индейские послы просят у «французского короля» «помочи на шпанского короля» (на момент событий Бразилия находилась под властью испанских Габсбургов). Подробнее о таком необычном эпизоде см.: *Окунева*. 2015.

внимание. Несколько внешне похожих на Штадена матросов назначают его «братьями». Капитан во всеуслышанье заявляет, что хочет дать Штадену всяких безделушек на обмен и оставить его с индейцами ещё на год, чтобы тот покамест собирал местные товары в преддверии будущего прихода корабля в Бразилию (такая практика действительно существовала и перекрёстно подтверждается)⁴⁷. «Братья» возражают, а капитан делает вид, что пытается их уговорить. «Вся эта сцена разыгрывалась по той причине, что французы хотели распрощаться с дикарями по-дружески», – сообщал Штаден. Усилия увенчались успехом, стороны разошлись наилучшим образом, Штаден остался на корабле, а его бывшему хозяину вручили товаров стоимостью пять дукатов (ножи, топоры, зеркала и гребни), с чем он и отбыл к себе в деревню⁴⁸.

В данной заключительной части рассказа обращают на себя внимание следующие детали. Во-первых, утверждение Штадена в статусе «брата французов». То, что дружеские или союзнические связи с французами обозначались индейцами в терминах родства или свойства – не единичное упоминание; более того, такой способ представления действительности характерен отнюдь не только для индейцев Южной Америки⁴⁹. В приведённом выше эпизоде очной ставки немца с заезжим французом в присутствии предводителя Кониан Беба есть такая деталь: вождь называл того своим сыном⁵⁰. Полвека спустя путешественник из второй французской колонии описывает радость дружественных индейцев от прибытия французских кораблей, применяя несобственно-прямую речь (будто бы от имени индейцев): податель благ, привезший товары на обмен, ради чего индеец готов потрудиться, обозначен как кум (*compère*)⁵¹. В наиболее схожей со штаденовской ситуацией самоназвания себя другом и братом французов и очной ставки с настоящим францу-

⁴⁷ *Metcalf*. 2005.

⁴⁸ *Staden*. 2005: 165–166.

⁴⁹ См., в частности, публикацию материалов обширной конференции «Родственные и квазиродственные связи в экономической, политической, конфессиональной и культурной жизни Восточной Европы в древности и средневековье», проведённой Институтом всеобщей истории РАН весной 2024 г.: Восточная Европа в древности и средневековье. 2024.

⁵⁰ *Staden*. 2005: 103.

⁵¹ *Evreux*. 1985:197.

зом генуэзец Адорно вынужден признать, что не имеет родичей-французов⁵², а находящийся при вожде французский «советник» сообщает, что Адорно не состоит с ним, французом, в личном кровном родстве; всё это вызвало у индейского вождя сильный гнев. При этом последовавшее заявление, что он (Адорно) является другом и братом французов, напротив, оказало умиротворяющее действие⁵³. Наряду с этим обозначение «брат» может восприниматься индейцами не буквально: так, они не удивляются наличию у Штадена сначала «брата-француза» в португальской шляпке, а затем «братьев-французов» в экипаже французского корабля. Сами французы на всякий случай добавляют к расширительному толкованию толику буквального: на роль «братьев» из числа матросов выбираются хотя бы немного похожие на Штадена люди⁵⁴.

Вторая интересная деталь в разбираемом эпизоде – это явно выраженное желание французов избежать конфликтов с индейцами и постараться не вызвать их гнев. В рассказе Штадена такой мотив встречается трижды, и каждый раз о нём говорят разные персонажи: заезжий француз, с которым у Штадена была очная ставка; матросы с первого французского корабля, которые не пустили Штадена на борт; моряки со второго французского судна, которые в результате помогли немцу. Все они открыто заявляют о нежелании ссориться с индейцами и наживать себе врагов, т.к. это перекроет возможность меновой торговли в ближайшем планируемом будущем («на следующий год» и т.п.). Помимо голого расчёта, при таком подыгрывании французы сохраняют и настороженное отношение к своим вроде бы друзьям: так, капитан спасшего Штадена судна опасается раздражить хозяина Штадена, чтобы тот не замыслил каких-либо козней, ибо «на эту нацию полагаться нельзя»⁵⁵. Интересно, что французский путешественник Жан де Лери, оказавшийся в ситуации конфликта с индейцами несколькими годами после Штадена, рассуждал совершенно иначе: он как раз не боялся,

⁵² Рассказ известен в передаче португальских иезуитов, и идея кровного родства выражена словом «os pais» (первое буквальное значение – отцы, второе расширительное – близкие родственники).

⁵³ Carta do Ir. José de Anchieta ao P. Diego Laines. 1965: 136.

⁵⁴ *Staden*. 2005: 155–156.

⁵⁵ *Staden*. 2005: 155.

что после единичной ссоры индейцы пойдут на французов войной, поскольку в глобальном отношении уже самим индейцам выгодно иметь французов союзниками⁵⁶. Другой французский путешественник того же времени, Андре Теве, весьма точно обозначил такие умонастроения, охарактеризовав союзных индейцев как «американцев, которые называют себя нашими друзьями»⁵⁷. Эта нотка недоверия будет проскальзывать и дальше – там, где французы будут зависеть от индейцев и чувствовать свою уязвимость. Такая «ложка дёгтя» будет маскироваться эмоциональными заявлениями о любви, преданности, дружбе и верности индейцев французам там, где потребуются обосновать право французов посещать Бразилию и основывать колонии, но останется на задворках сознания у практиков (а не только апологетов) колонизации. С этой точки зрения история англичанина Найвета, назвавшегося французом якобы ради спасения жизни, производит отличное от рассказа Штадена впечатление: в ней нет напряженного угадывания реакции индейцев и страха их разгневать, а есть уверенное знание, на какие именно клавиши нужно нажать и какие струны задеть, чтобы получить рассчитанный результат. Обозначив себя в качестве француза, Найвет призывает индейцев вспомнить о том, как его (мнимые) соотечественники хорошо с ними обходились в прошлом, и насколько злыми были португальцы⁵⁸; затем он дожидается того же подтверждения от индейцев⁵⁹ и напоминает о приплывавших в прошлом французских кораблях с товарами; это предсказуемо вызывает вздохи индейцев о том, насколько сейчас им плохо без щедрости французов⁶⁰; наконец, уже сами индейцы просят Найвета отвести их туда, где пристают французские корабли⁶¹. Так самозванец, заявляя о своей слабости, напротив, перехватывает инициативу и сам диктует повестку.

Подводя итог историям самоназванных французов и «братьев французов» в Бразилии XVI в., отметим, что всем трем чужакам

⁵⁶ Léry. 1999: 467.

⁵⁷ Thevet, Lestringant. 1996: 159.

⁵⁸ Knivet. 2003: 78.

⁵⁹ Knivet. 2003: 101.

⁶⁰ Knivet. 2003: 105.

⁶¹ Knivet. 2003: 105.

удалось успешно решить первоочередную задачу – не лишиться жизни в тот момент, когда их только захватили в плен. Реальная степень угрозы может различаться; кроме того, авторское изложение событий, как, например, у Штадена, может подчиняться идее испытания благочестивого и спасения праведного⁶². Доказывая свою «французскость», Найвет (самостоятельно) и Штаден (с помощью третьих лиц) добиваются спасения и освобождения из плена; финал истории с генуэзцем Адорно остаётся неизвестным, однако тот этап, на котором обрывается рассказ, позволяет надеяться на благополучный исход. Успех всех троих «самозванцев» связан с правильным угадыванием ожиданий индейской аудитории, при этом Штаден, как было показано выше, испробовал самые разные варианты, каждый раз корректируя свою линию поведения, а Найвет, как представляется, хорошо знал и собственную партию, и ответные ходы индейцев.

Рассмотрение историй иностранцев, оказавшихся в недружественном окружении и назвавших себя французами для спасения жизни, несомненно, даёт (как было отмечено выше) и повод, и возможность создать на основе реакций и действий индейцев коллективный портрет французов глазами их индейских союзников⁶³. Однако применительно к проблеме самозванцев и феномена самозванчества эти же свидетельства ставят ещё один вопрос. Самозванец, как правило, не может начать свою игру заново после разоблачения: в него могут поверить, а затем разочароваться, но в дальнейшем снова выдавать себя за того же самого персонажа в том же самом окружении бессмысленно. В случае же со Штаденом цикл убеждения–разоблачения повторялся несколько раз, так что одно лишь последовательное описание событий уже наводит на мысль о своеобразной «мерцающей» идентичности чужака. Нельзя не отметить и странное, на взгляд внешнего наблюдателя, сочетание буквализма и проницательности индейцев с их же готовностью закрыть глаза на очевидные логические неувязки в истории Штадена: одни и те же люди способны подметить отличающийся цвет бороды пер-

⁶² О приоритете дидактической составляющей текста Штадена над этнографической см.: *Whitehead*. 2010: 88. О религиозном сознании Штадена и его (сознания) отражении в книге о Бразилии см.: *Raak Tenhuisen*. 2004: 213–254; *Bôas*. 2004: 187–212; *Bôas*. 2008: 7–27.

⁶³ *Окунева*. 2012.

сонажа и то, что его якобы соотечественники не дали ему рубашки (хотя христиане придают такое значение сокрытию наготы), и они же не удивляются тому, что у одного и того же человека повсюду находятся «братья-французы» – что на португальской шлюпке, что на французском корабле (кроме того, те же самые индейцы, настаивавшие на том, что Штаден португалец, поскольку был захвачен на вражеской территории, никак не смущены тем фактом, что именно из португальского форта приходит шлюпка с якобы братом-французом на борту).

Так в Штадене (то благодаря его собственным усилиям, то из-за определённого стечения внешних обстоятельств) индейцы то видят, то перестают видеть самозванца; эта смена статусов, в определённом смысле соответствующая перемещению между разными мирами, происходит независимо от того, что физически Штаден остаётся на одном и том же месте. Впрочем, душой он всё время стремится вернуться – то к португальцам в тот форт, где он нёс службу, то на родину в Европу; там же, сначала рассказывая устно, а затем и перенося на бумагу историю своих приключений в Бразилии, он мысленно вновь возвращается в Новый Свет. Такая идея то буквального, то фигурального возвращения была использована двумя современными американскими исследовательницами сочинений Штадена, озаглавивших так собственную книгу⁶⁴. Однако само название «Возвращение Ганса Штадена» приводит на ум другое знаменитое «Возвращение» – «Возвращение Мартена Герра» Н. Земон Дэвис⁶⁵. И хотя американские исследовательницы, характеризуя поступки Штадена, говорят об «умелой манипуляции словами, притворстве, введении в заблуждение»⁶⁶, не произнося при этом слова «самозванец», одна общая черта у Ганса Штадена и того Мартена Герра, который на самом деле был Арно дю Тилем, есть: окружавшие их люди что в Новом, что в Старом Свете так до конца и не понимали, тот ли это человек, за которого он себя выдаёт...

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

⁶⁴ *Duffy, Metcalf*. 2012.

⁶⁵ *Земон Дэвис*. 1990.

⁶⁶ *Duffy, Metcalf*. 2012: 62.

- [*Barré N.*] Copie de quelques lettres sur la navigation du chevalier de Villegaignon es terres de l'Amérique oultre l'œquinoctial, iusques soubz le tropique de Capricorne; contenant sommairement les fortunes encourues en ce voyage avec les mœurs et façons de vivre des Sauvages du païs; envoyées par un des gens dudit seigneur (1557) // Gaffarel P. Histoire du Brésil français au XVIe siècle. P., 1878. P. 373–385.
- [*Desprez F.*] Recueil de la diversité des habits, qui sont de présent en usage, tant ès pays d'Europe, Asie, Affrique & Isles sauvages, Le tout fait après le naturel. s.l., 1567.
- [*Vaillard, N.*] [Le Brésil et l'Amérique du Sud jusqu'au Cabo Frio] (carte 11 de l'atlas manuscrit de «Nicolas Vaillard de Dieppe dans l'année 1547») // Montaigne J.-M. Le trafic du Brésil. Navigateurs Normands, Bois Rouge et Cannibales pendant la Renaissance. Rouen, 2000. P. 39. Оцифрованное изображение доступно также по адресу: <https://www.moleiro.com/de/atlanten/atlas-vaillard/miniatura/893>.
- Abbeville C. d'*. Histoire de la mission des pères capucins en l'isle de Maragnan et terres circonvoisins ou est traicte des singularités admirables & des Mœurs merueilleuses des Indiens habitans de ce pais Avec les missives et avis qui ont esté envoyez de nouveau par le R. P. Claude d'Abbeville Pedicateur Capucin. Predicatur Evangelium regni in uniuerso orbe. Mat. 24 Avec Privilège du Roy. Paris, 1614. Факсимильное издание: Graz, 1963.
- C'est la déduction du sumptueux ordre plaisantz spectacles et magnifiques théâtres dressés et exhibés par les citoyens de Rouen ville métropolitaine en pays de Normandie, A la sacré Maiesté du Treschristian Roy de France Henry second leur souverain Seigneur, Et à Tresillustre dame, ma Dame Katharine de Medicis, La Roynne son espouze, lors de leur triumphant ioyeuls et nouvel advènement en icelle ville, qui fut es iours de Mercredi et ieu dy premier et second iours d'octobre 1550. Rouen, 1551.
- Carta do Ir. José de Anchieta ao P. Diego Laines; S. Vicente, 8 de Janeiro de 1565 // Leite S. Monumenta Brasiliae. Roma, 1965, vol. IV. P. 136.
- Evreux Y. d'*. Suite de l'Histoire des choses plus mémorables advenues en l'île de Maragnan es années 1613 et 1614 // Evreux Y. d', Clastres H. (ed.). Voyage au nord du Brésil fait en 1613 et 1614. Paris, 1985.
- Hans Staden Historia de duas viagens ao Brasil (1548-1555) / Tradução por Guiomar Carvalho Franco, revisada por Augusto Rodrigues. Com um anexo de fontes ed. de Franz Obermeier 2023. Texto port. da ed. crítica de 2007, prefácio ampliado, com um novo anexo de fontes da época e comentários da iconografia. URL: https://www.academia.edu/111733542/Hans_Staden_Historia_de_duas_viagens_ao_Brasil_1548_1555_ed_Franz_Obermeier_2023?uc-sb-sw=101871356
- Hans Staden's True History. An Account of Cannibal Captivity in Brasil. Edited and translated by Neil L. Whitehead and Michael Harbsmeier. Durham, 2008.
- Hans Staden: Warhaftige Historia. Zwei Reisen nach Brasilien, (1548-1555) / Historia de duas viagens ao Brasil. Kritische Ausgabe / edição crítica: Franz

- Obermeier, Übertragung ins heutige Deutsch: Joachim Tiemann. Tradução ao português: Guiomar Carvalho Franco. Revisão: Augusto Rodrigues, (Fontes Americanae, 1), Kiel, 2007.
- Histoire des choses memorables advenues en la terre du Bresil, partie de l'Amerique australe, sous le gouvernement de N. de Villeg. depuis l'an 1555 jusques a l'an 1558. S. I., 1561.
- Interrogatorio dos prisioneiros francezes do combate de Guaxenduba // Annaes da Biblioteca Nacional de Rio de Janeiro, 1904, vol.26. Rio de Janeiro, 1905. P. 265–276.
- La Gazette de la terre du Brésil. [Nouvelles apportées par un navire qui avait quitté le Portugal pour découvrir la terre du Brésil plus avant qu'elle n'était connue auparavant et qui, à son retour, a abordé l'île de Madère. Ecrit par un bon ami de Madère et envoyé à Anvers], 1514-1515 // La découverte du Brésil. Les premiers témoignages choisis & présentés par Ilda Mendes dos Santos (1500 – 1530). Paris, 2000. P. 83.
- Le Testu G.* Cosmographie universelle, selon les navigateurs tant anciens que modernes, par Guillaume Le Testu, pillote en la mer du Ponent, de la ville francoyse de Grâce. S.l. 1555.
- Léry J. de.* Histoire d'un voyage fait en la terre du Brésil (1578, seconde édition – 1580) / Texte établi, présenté et annoté par F. Lestringant. Paris, 1999.
- Rivedoux B. de.* Histoire véritable de certains voyages périlleux et hasardeux sur la mer (1599) / édition, présentation et notes d'A.-G. Guéguen. Paris, 1996.
- Rotz J.* Boke of Idrography. S.d. [c. 1535–1542].
- Soares de Souza G.* Tratado descriptivo do Brasil em 1587. Belo Horizonte, 2000.
- Staden H.* Véritable histoire et description d'un pays habité par des hommes sauvages, nus, féroces et anthropophages situé dans le nouveau monde nommé Amérique, inconnu dans le pays de Hesse avant et depuis la naissance de Jésus-Christ jusqu'à l'année dernière. Hans Staden de Homberg l'a connu par sa propre expérience et le fait connaître actuellement par le moyen de l'impression à Marbourg chez André Kolben à l'enseigne de la feuille de trèfle, 1557 // Staden H. Nus, féroces et anthropophages. Traduit de l'allemand par H. Ternaux-Compans. P., 2005.
- Thevet A., Lestringant F.* (ed). Le Brésil d'André Thevet. *Les Singularités de la France Antarctique (1557)* Paris, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

- Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Вып. 36: Родственные и квазиродственные связи в экономической, политической, конфессиональной и культурной жизни. М., 2024.
- Земон Дэвис Н.* Возвращение Мартена Герра. М., 1990.
- Окунева О.В.* Как важно быть французом: взгляд бразильских индейцев XVI в. // Средние века, № 73, вып. 1-2. М., 2012. С. 295–312.

- Окунева О.В.* Мы» и «наши»: французские авторы XVI – начала XVII вв. о союзнических отношениях с бразильскими индейцами // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Выпуск 4 (27). Учёные, знания и власть в колониальных и континентальных империях / под ред. В.С. Мирзеханова, О.В. Окуневой, С.Б. Вольфсона. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000711-1-1>
- Окунева О.В.* Русские послы и бразильские индейцы при дворе Марии Медици и Людовика XIII // Средние века. № 76 (3-4). М., 2015. С. 161—192.
- Окунева О.В.* Повседневные практики общения и меновая торговля между французами и бразильскими индейцами в XVI веке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Выпуск 3 (125) Том 14 – История повседневности: Запад и Восток Европы. К юбилею О.Е. Кошелевой. URL: <https://history.jes.su/s207987840025148-1-1/>.
- Bôas L. V.* The Anatomy of Cannibalism: Religious Vocabulary and Ethnographic Writing in the Sixteenth Century // Studies in Travel Writing, London, 2008, vol. 12, no 1. P. 7–27.
- Bôas L. V.* Wild stories of a pious travel writer: the unruly example of Hans Staden's Warhaftig Historia (Marburg 1557) // Daphnis, 2004. P. 187–212.
- Bonnote C.* Le truchement dans les récits de voyageurs: interprète et personnage médiateur de l'espace frontalier // Analyses. Revue de littératures franco-canadiennes et québécoise, 2015, vol. 10, № 2. P. 129–148.
- Castro E. V. de.* O mármore e a murta: sobre a inconstância da alma selvagem // Revista de Antropologia, São Paulo, 1992, vol. 35. P. 21–74.
- Castro E.V. de.* From the enemy's point of view, humanity and divinity in an Amazonian society / translated by Catherine V. Howard, Chicago, 1992 [Araweté, os deuses canibais. Rio de Janeiro, 1988].
- Duffy E., Metcalf A.C.* The Return of Hans Staden: a Go-Between in the Atlantic World. Baltimore, 2012.
- Fausto C.* Da Inimizade: Forma e Simbolismo da Guerra Indígena // Novaes A. (ed.) A Outra Margem do Ocidente. São Paulo, 1999. P. 251–282.
- Gannier O.* Traîtres ou alliés: le motif de la loyauté dans l'Histoire d'un voyage fait en la terre du Bresil, de Jean de Léry, et des récits de voyage contemporains // L'Information littéraire, décembre 1999. P. 24–38.
- Gannier O.* Des truchements en Amérique: du «Voyage au Brésil» de Léry aux lectures modernes // Francophonie en Amérique. Colloque de L'Année Francophone Internationale, 26-29 mai 2003. Québec, 2003. P. 1–15.
- Grégoire V.* À l'ombre de Léry et Champlain, l'héroïsme mineur du truchement // Sens-Dessous, 2024, N° 33(1). P. 123–140.
- Gruzinski S.* «S'ensauvager» – Quand des Français du Brésil et du Canada choisissaient de vivre parmi les Indiens (XVIe et XVIIe siècles) // Cahiers de socio-logic économique et culturelle, 1992, № 18. P. 19–28.

- Harbsmeier M.* Elementary structures of otherness, an analysis of sixteenth century German travel accounts // Céard J., Margolin J.-C. (éds). *Voyager à la Renaissance* (Actes du Colloque de Tours 1983). Paris, 1987. P. 337–356.
- Harbsmeier M.* *Wilde Völkerkunde, andere Welten in deutschen Reiseberichten der Frühen Neuzeit*. Frankfurt, 1994.
- Jantz H.* Images of America in the German Renaissance // Chiappelli F. (ed). *First images of America*, vol. 1. Berkeley, 1976. P. 91–101.
- Kaltischke M.* Das Indiobild der deutschen Konquistadoren Nikolaus Federmann, Philipp von Hutten, Ulrich Schmiedel und Hans Staden im Spiegel ihrer Reiseberichte // Schlüter H. (ed) *Die Anderen, Indianer in Lateinamerika*. Münster, 1996. P. 120–151.
- Kiening Ch.* Alterität und Mimesis: Repräsentation des Fremden in Hans Stadens *Historia* // Huber M., Lauer G. (ed). *Nach der Sozialgeschichte: Konzepte für eine Literaturwissenschaft zwischen Historischer Anthropologie, Kulturgeschichte und Medientheorie*. Tübingen 2000. P. 483–507.
- Lestringant F.* Fictions de l'espace brésilien à la Renaissance: l'exemple de Guanabara // Jacob Ch., Lestringant F. (org.). *Arts et légendes d'espace. Figures du voyage et rhétoriques du monde*. Paris, 1981. P. 205–256.
- Menninger A.* Unter „Menschenfressern“, Das Indiobild der Südamerikareisenden Hans Staden und Ulrich Schmidl zwischen Dichtung und Wahrheit // Beck Th. *Kolumbus' Erben, Europäische Expansion und überseeische Ethnien im ersten Kolonialzeitalter, 1415–1815*. Darmstadt, 1992. P. 63–98.
- Metcalf A.* *Go-Betweens and the Colonization of Brazil: 1500–1600*. Austin, 2005.
- Montaigne J.-M.* *Le trafic du Brésil. Navigateurs Normands, Bois Rouge et Cannibales pendant la Renaissance*. Rouen, ASI Communications, 2000.
- Neuber W.* Die frühen deutschen Reiseberichte aus der Neuen Welt, Fiktionalitätsverdacht und Beglaubigungsstrategien // König H.-J. (ed). *Der europäische Beobachter außereuropäischer Kulturen*. Berlin, 1989. P. 43–64.
- Obermeier F.* Bilder von Kannibalen, Kannibalismus im Bild, Brasilianische Indios in Bildern und Texten des 16. Jahrhunderts // *Jahrbuch für Geschichte Lateinamerikas*. 2001, vol. 38. P. 49–72.
- Obermeier F.* Hans Staden und Ulrich Schmidel im brasilianischen São Vicente, Dokumente zu Hans Stadens zweiter Brasilienreise, Dokumente zu Hans Stadens zweiter Brasilienreise und Ulrich Schmidels Rückreise nach Europa // *Jahresbericht des Historischen Vereins für Straubing und Umgebung*, 2005, № 107. P. 73–128.
- Obermeier F.* Na época colonial: a gênese do livro de viagem de Hans Staden (*Historia*, 1557) no cruzamento de discursos alheios // *Anuário de Literatura*, 2011, vol. 16, n. 1. P. 132–153.
- Obermeier F., Schiffner W.* Hans Staden: Warhaftige *Historia* (1557). An annotated bibliography on the work, secondary literature and other aspects. Status: last update 2023 // https://www.academia.edu/51025979/Hans_Staden_Warhaftige_Historia_1557_A_bibliography_updated_version_2023

- Raak Tenhuisen D.R.* Providence and passio in Hans Staden's Wahrhaftig Historia // *Daphnis*, 2004. P. 213–254.
- Smith D.* The German image of America in the Sixteenth century // *Friesen G.-K., Schatzberg W.* (ed). *The German Contribution to the Building of the Americas. Studies in honor of Karl J. R. Arndt.* Hanover (New Hamps.), 1977. P. 1–19.
- Schlechtweg-Jahn R.* The Power of Cannibalisation. Hans Staden's American Travels Account of 1557 // *Gosman M.* (ed). *Propagation of Power in the Medieval West. Selected Proceedings of the International Conference Groningen 1996.* Groningen, 1997. P. 419–437.
- Schmölz-Häberlein M., Häberlein M.* Hans Staden, Neil L. Whitehead, and the Cultural Politics of Scholarly Publishing // *Hispanic American Historical Review*, 2001, vol. 81, № 3–4. P. 745–741.
- Wachtel N.* *La vision des vaincus. Les Indiens du Pérou devant la conquête espagnole (1530–1570).* Paris, 1971.
- Whitehead N.L.* Tribes Make States and States Make Tribes. Warfare and the Creation of Colonial Tribe and State in Northeastern South America // *Ferguson R.B. Whitehead N.L.* (eds.) *War in the Tribal Zone. Expanding States and Indigenous Warfare.* London – Santa Fe, 1999. P. 127–150.
- Whitehead N.L.* Lowland Peoples Confront Colonial Regimes in Northern South America // *Salomon F., Schwartz S.* (eds.) *The Cambridge History of Native American Peoples*, III (2). Cambridge, 1999. P. 382–441.
- Whitehead N. L.* Hans Staden and the Cultural Politics of Cannibalism // *Hispanic American Historical Review*, 2000, vol. 80. P. 721–752.
- Whitehead N.L.* The Ethnographic Lens in the New World: Staden, De Bry, and the Representation of the Tupi in Brazil // *Melian W. S., Palmer Wandel L.* (eds). *Early Modern Eyes.* Leiden-Boston, 2010. P. 81–104.

ABSTRACTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

A.B. Gerstein

IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION

Keywords: impostors, false-rulers, deceivers, society, spiritual culture, everyday practices.

The phenomenon of imposture is considered in the article in the context of the specific state of societies where it appeared. The author pays close attention to the specifics of the perception of medieval impostors by different social groups, the ways of establishing and functioning of everyday and symbolic communication between the deceiver and his sympathisers, collective representations of justice, social order and its violations in different strata of society. The author identifies various forms of imposture — claiming belonging to another ethnicity, profession, or social class, creating fake genealogies, and using the label of impostor as a tool for defaming an opponent in polemical treatises. The goals of such deception could range from delegitimising the opponent to trying to increase one's social status or save one's own life. The author concludes that imposture is a peculiar reaction to a social crisis and simultaneously a way to bring society into balance and restore the 'proper' order of things.

I.A. Mirolyubov

GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY

Keywords. Constantine the Great, Claudius Gothicus, Julian Apostate, Roman Emperors, Later Roman Empire, Prosopography of the Later Roman Empire, Roman aristocracy.

The House of Constantine the Great is one of the most significant imperial dynasties in the history of the Roman Empire. The history of this dynasty begins with the reign of Emperor Constantius Chlorus (reigned 293–305 AD), but his son Constantine in 310 AD announced that the ancestor of the family was Emperor Claudius Gothicus (reigned 268–270). Most modern researchers consider this genealogical construction a fiction. The study of the reasons that prompted Constantine to choose this "ancestor", as well as the means by which the emperor reinforced this genealogical scheme, comes to the fore.

The article deals with the reports of official sources (panegyrics, inscriptions and coins) about the relationship of the house of Constantine with Claudius Gothicus, as well as variants of the genealogical scheme proposed by ancient authors. Their diversity is due to the vagueness of official data: Claudius was presented in them as avus of Constantine, i.e. either his grandfather or ancestor in the general sense of the word. The article also pays attention to the perception of family tree by members of the Constantine's family (his brothers, sons and nephew Julian). Sources at your disposal allow us to assert that the members of the dynasty agreed with the version of kinship voiced by Constantine, but, like him, did not comment on the very degree of that kinship. In addition, Julian even tried to present himself as a more worthy descendant of Claudius Gothicus than his uncle.

S.I. Luchitskaya

«DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?». PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR

Keywords: prophet of Islam, the 'Cluny' collection, Peter the Venerable.

The article examines a phenomenon typical of medieval spiritual and social life—the phenomenon of false prophets or self-proclaimed prophets. The focal point is the treatise of the Cluniac abbot Peter Venerable, where he clearly outlines the criteria for distinguishing a true prophet from a false one and endeavors to demonstrate that the founder of Islam, Muhammad, was a false prophet. The author of the article illustrates that the concepts of a prophet in Islam and Christianity are

significantly different and emphasizes that it is precisely a misunderstanding of these differences that led the church writer to his views on Islam.

L.B. Sukina

TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA
1666
(THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS
GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR
BARANOVICH)

Keywords: Russian tsarist autocracy, House of Romanov, idea of a righteous sovereign, early printed book, theological and political concept.

The author explores the question of how the theme of God’s chosen king’s power was interpreted in the book “Spiritual Sword” of Lazar Baranovich in 1666. The idea of the choice of God of the supreme ruler and the protection of God of righteous sovereigns spread in the culture of the Christian world back in the Middle Ages. In Russia in the 1660s it was updated by a specific set of circumstances: church reform, expansion of the territory of the state through the annexation of new lands by military means, the absolutization of the power of Tsar Alexei Mikhailovich and the expectation of the End of the World. At the same time, the second sovereign of the House of Romanov was interested in additional arguments legitimizing his autocracy, as evidenced by the documents of the Secret Prikaz, concerning rumors about his “illegal” origin, and some details of the conflict between the Tsar and Patriarch Nikon. The article shows how Lazar Baranovich, with the help of scholastic theological and literary techniques, which includes, among other things, abundant quoting, creates a harmonious and convincing concept of the righteous family of the Russian sovereign, a dynasty that found itself at the pinnacle of power by the will of God. According to her, the sovereign Alexei Mikhailovich is not an impostor and an accidental minion of fate, but a God-chosen king, similar to the biblical David, Emperor Constantine the Great and other famous rulers of antiquity. By the right of the chosen of God one, the Russian Tsar wields both swords of power – secular and ecclesiastical.

E.D. Braun

AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY

Keywords: Perkin Warbeck, Impostors, Henry VII, Richard III, Princes in the Tower, British historiography.

In the XVI–XXI centuries, ideas about Perkin Warbeck made a full circle – from the perplexity of contemporaries, through the unconditional rejection of Tudor century, the first attempts to justify Warbeck of the XVII–XVIII centuries, sentimental novels and poems of the XIX century, scrupulous studies of the turn of the XX–XXI centuries, historians returned to the beginning. As well as contemporaries, they distrust the official, Tudor version of events and admit that the real prince, the rightful heir of the Yorks, was sent to the gallows.

The image of Warbeck turned out to be so contradictory because the choice between an "impostor" and a "prince" did not always depend on objective, scientific calculations. Often the decision was determined by an assessment of the Tudor rule and of the preceding period of the Wars of the Roses (especially the personality and reign of Richard III). There were also non-scientific factors. To find an extra-political explanation for Warbeck's success, even under the Tudors he was turned into an immensely charming handsome man, a victim of intrigues. Artists, poets and novelists were happy to exploit and develop this emotional component; as the historical distance lengthened, the image of Warbeck became more and more touching and sentimental.

O.I. Togoeva

IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE

Keywords: The Middle Ages, France, the phenomenon of imposture, professional scammers, cross-dressing, royal legislation, judicial practice.

The article is devoted to the problem of imposture, which is considered in relation to the daily life of marginal strata of society in medieval France. The question is about professional scammers who

acted everywhere and posed as «decent people» for the purpose of personal gain. The main way of such transformations was the cross-dressing, and therefore the article analyzes a few, but vivid judicial cases that testify the use of someone else's (often stolen) clothes to build a new personality. The author notes that, despite the existence of specific criminal cases related to cross-dressing, i.e. stable judicial practice, there was no general royal legislation devoted to this problem in France till the end of the 15th century. Instead of it there were only private legal acts, the effect of which extended only to the population of Paris. This situation was explained, according to the author, by the limited possibilities of the royal justice, its precedent character, as well as the importance of the capital not only as the center of the country, but also as its largest city.

K.S. Khudin

SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC
PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL
COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA

Keywords: social history of medicine, Alltagsgeschichte, Early Modern history, Seventeenth century, Russia, Apothecary Chancery.

The article is devoted to the conflicts between the corporation of doctors of the Apothecary Chancery (Aptekarsky Prikaz) and representatives of other medical practices: private physicians, faith-healer, as well as the perception of such practices in the bureaucratic environment. The author considers bureaucratic mechanisms arising in the course of such conflicts, when the corporation defines a physician as an self-proclamated and, not considering him a part of its group, refuses to recognise his professional competences. At the same time, private practice itself is not a barrier to entry into the professional community, and being labelled an impostor, hence a charlatan, becomes a way of resolving intra- and inter-group conflicts. Such conflicts are different in each of the three examples with representatives of different social groups, but they equally illustrate the fact that a person who commits unconventional actions becomes an impostor in the eyes of the community.

O.V. Okuneva

SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL

Keywords: impostor, Brazil, 16th Century, allies, barter trade, captivity, Hans Staden, Giuseppe Adorno, Anthony Knivet.

The paper deals with the strategy that some Europeans chose in the 16th century Brazil while finding themselves in a hostile environment. Being captured by Indians and destined to death and following anthropophagy, a German soldier Hans Staden, a Genovese captain Giuseppe Adorno and an English adventurer Anthony Knivet decided to appoint themselves as Frenchmen (their captors regarded Frenchmen as friends and trade partners). The Indians’ reaction to the declarations of such “impostors” (including some “tests for identity”) reveals the way the Brazilian Indians considered one European nation as friend and ally rather than another.

A special attention is paid to the cross-verified elements in Staden’s, Adorno’s and Knivet’s stories. This cross-validation is mostly important for Staden’s testimony (most detailed of all): the German author describes his first unsuccessful attempts to save his life by assuming another identity as an act of faith and a miraculous escape, so it is essential to distinguish the facts from the metaphors.

The paper discusses the degree in which Staden, Adorno and Knivet can be considered as impostors. They did not seek to gain something beyond what they had, just to save their lives. So they are more “self-appointed” Frenchmen (in the sense of self-denomination) rather than persistent usurpers of someone else’s identity.

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY

Keywords: History of Sweden, Middle Ages, Catholic Church, monasteries, monastic orders, annals.

Diarium Vadstenense, the chronicle of Vadstena Abbey (the principal cloister of the Birgittine order) is one of the most interesting narrative sources of medieval Scandinavia. The present article focuses

on the types of entries, their aims and their data. I pay attention to individual cases, to data concerning the health and the diseases of the Birgittines, as well as their age and death. I demonstrate that life expectancy of the Birgittines was high enough. Special attention in my article is paid to the question of the character of Vadstena Abbey. Can we regard Vadstena Abbey as a mixed community of men and women, a so-called double cloister? Or should we treat it as two separate monasteries behind one fence? I demonstrate that Vadstena Abbey must be regarded as a single mixed congregation. The brethren and the sisters lived in proximity. Both communities were subject to Mother Superior. The economy was common. Both parts of the monastery interacted constantly. The usual definitions – brethren (*fratres*) and sisters (*sorores*) were of the same type. Both communities are frequently called the same name – a convent, and often the expression “both convents” is used. The level of integration of the two parts of Vadstena Abbey was high; the monastery mentioned must be regarded as a single institution.

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN, THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY

Keywords: history of Russia in the 17th century, Kashinsky district, Kashinsky nobility Bedovy, Troitskiy Makariev Kalyazin monastery, testament, contributions to monasteries, monastery building.

The paper analyzes the life's journey of the Kashin service class man Andrei Semenyovich Bedov. During the Time of Troubles, he consistently served False Dmitry II, after the latter's death he swore allegiance to Prince Vladislav, then, together with Prince Dmitry Timofeevich Trubetskoy, he joipapned the militia of Procopius Lyapunov. At the beginning of the reign of Mikhail Fedorovich, Andrei Bedov was engaged in the restoration of the Kashin estates and, with the help of a fictitious deal with the Archbishop of Tver Arseny Elassonsky, transferred one of the estate villages to a patrimony. In the 30s of the 17th century Andrei Bedov, having received the rank of Moscow

nobleman, served as a governor in Tver, participated in the Smolensk War, and later held administrative positions in Moscow. Andrei Bedov was closely associated with the Makaryev Kalyazin Monastery of St. Trinity, making generous contributions to it, and in 1641 he took monastic vows there with the name Abraham. As a cellarer at the monastery, he supervised the building of the walls around the monastery in 1644-1647 and made a large contribution to their construction. Andrei (Abraham) Bedov died on February 9, 1650, having distributed property, estates and patrimonies among close relatives, people from his circle, as well as monasteries and churches of Kashinsky district.

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT:

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF TWO ÉMIGRÉS

Keywords: revolution, anarchism, the Bolsheviks, dictatorship, disillusionment.

The memoirs of two Russian émigrés, anarchist Emma Goldman and socialist Angelica Balabanoff, recently published in Russia, provide a perspective on the formation of Bolshevik power after the October coup that differs from the Soviet version of events, revealing little-known aspects of the 1917 revolution. Goldman, deported from the United States, highlighted the role of anarchists in revolutionary Russia, portraying them not as a chaotic force but as a socialist movement advocating an alternative to the dictatorship of the proletariat—namely, the development of self-government as called for by Mikhail Bakunin and Peter Kropotkin. Like other opponents of the Bolsheviks, the anarchists were ultimately suppressed.

Balabanoff, a member of the Italian Socialist Party and the RCP(b), and secretary of the Executive Committee of the Comintern, discussed the methods of party building, particularly the Bolsheviks' influence on the split within the international socialist movement.

Having arrived in Russia after the 1917 revolution to support the birth of a workers' and peasants' republic, both women were soon forced to leave, disillusioned by the policies of the Soviet state.

HISTORY OF THE EMOTIONS

K.A. Levinson

“I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND HOW
(NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW STATE
UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND EARLY 1940S.

Keywords: university history, history of emotions, history faculty, Moscow State University, history of Soviet academia.

The article draws on memoirs, questionnaires, letters and diaries of students of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s to examine the practices of expressing anger, rage and similar emotions in this milieu. Representations of such feelings are rare in the ego-documents examined, but still allow us to draw a tentative conclusion about the existence of norms that provided in hierarchical relations for greater freedom to express these feelings ‘top down’ or ‘horizontally’ than ‘bottom-up’. When an expression of anger or rage was felt by the authors to be undesirable, they resorted to three ways of legitimizing it: providing a justification, placing oneself in a morally stronger and more empowered position, or redirecting one’s anger to a legitimate object.

HISTORY OF THE EDUCATION

K.V. Sutorius

THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUJ AND THE
NEW SOURCES ON ITS HISTORY

Keywords: Sophronios Lychudes, teaching of Logic, Moscow Slavo-Greek-Latin academy, handwritten sources, scholastic.

The paper is devoted to a manuscript, which contains a course of Logic, taught in Moscow Slavo-Greek-Latin academy by Sophronios Lychudes at the beginning of the 1690s. The manuscript is housed in the Yaroslavl museum and is still little known to scholars. The paper describes the composition (parts) of the manuscript. It is stated that Logic in Greek, which is presented here, is an unknown copy of Sophronios' course so far. The manuscript is written by more than one hand, and relations of these to other handwritten witnesses related to Moscow academy are considered. The text of Logic from the Yaroslavl manuscript is compared to the text found in records known before in order to determine its place among other witnesses of this course. Both notes in the Yaroslavl manuscript and documents, which have become known recently, allow to reconsider the common dating of Sophronios' Logic. Features of codex put the question about how the instruction of Logic by Sophronios was established, and how his students worked on their notes, on the basis of which we discuss the course. Witnesses of bilingual (Latin/Greek) teaching of Logic are considered in connection with this question. It is argued that the Latin text of Sophronios' Dialectic, known in one codex, was not a translation from Greek.

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

THE STORY OF THE SWAN KNIGHT IN THE EPIC OF THE CRUSADE CYCLE: EPIC POEM, FAIRY TALE, OR COURTLY ROMANCE?

Keywords: epic poems, Old French Crusade cycle, the legend of the Knight of the Swan

Review on *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558). Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.

A.D. Scheglov

THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES

Keywords: review, history of Denmark, Danish annals and chronicles.

Review on **Datskie chroniki XII veka. Perevod s lat., dat., shved. i krit. apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi, O.V. Kutareva i A.B. Rukavishnikova-Radonezhskogo** [Danish Chronicles of the 12th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova, O.V. Kutarev and A.B. Rukavishnikov-Radonezhsky]. Moscow: Russkaya Panorama, 2022. 344 p.; **Datskie annaly XII–XIV vekov. Perevod s latinskogo, datskogo i kriticheskij apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi i O.V. Kutareva** [Danish Annals from the 12th to the 14th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova and O.V. Kutarev]. Saint Petersburg: DMITRY BULANIN, 2024. 368 p.

The review examines the Russian translations of Danish narrative monuments from the 12th to the 14th century – *Chronicon Roskildense*, *Chronicon Lethrense*, *Annales Lundenses* and other texts which serve as valuable sources on the history of medieval Denmark.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Герштейн Анна Борисовна – к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Миролюбов Иван Андреевич – к.и.н., доцент кафедры истории РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева, специалист в области идеологии императорской власти в Древнем Риме, истории Поздней Римской империи, истории дома Константина Великого.

Лучицкая Светлана Игоревна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов, истории рыцарства, христианских представлений об иноверцах, средневековой иконографии.

Сукина Людмила Борисовна – д.и.н., канд. культурологии, доцент; зав. кафедрой подготовки кадров высшей квалификации, профессор Института программных систем РАН, специалист в области российской культуры раннего Нового времени.

Браун Елена Давыдовна – к.и.н., доцент РАНХиГС, специалист по политической истории Англии позднего Средневековья и раннего Нового времени, средневековой английской историографии.

Тогоева Ольга Игоревна – д.и.н., г.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист в области средневекового права и правосознания, средневековой символики, политической и религиозной истории Западной Европы.

Худин Кирилл Станиславович – к.и.н., м.н.с. Отдела специальных исторических дисциплин ИВИ РАН, ведущий сотрудник РГАДА. Специалист по российской истории XVII в.

Окунева Ольга Владимировна – к.и.н., доктор университета Париж-Сорбонна, с.н.с. Отдела новой и новейшей истории ИВИ РАН, специалист по истории европейской экспансии в Новый Свет XVI–XVII вв., раннеколониальной истории Бразилии, формированию образа Другого во Франции раннего Нового времени.

Щеглов Андрей Джолинародович – д.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Швеции в Средневековье.

Олариу Доминик – профессор, в разное время преподавал в университетах Дижона, Марбурга и Дюссельдорфа, специалист по истории искусства Средних веков и раннего Нового времени. Автор книг и статей по истории средневекового портрета и научного знания.

Бисаха Нэнси – профессор Вассарского колледжа (США), автор книг и статей о гуманизме и крестовых походах.

Авдеев Александр Григорьевич – д.и.н., профессор Историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, н.с. Университета Дмитрия Пожарского, специалист по отечественной эпиграфике Московской Руси и ранней Российской империи.

Супоницкая Ирина Марковна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории США XX в., советско-американским отношениям.

Левинсон Кирилл Алексеевич – кандидат исторических наук, доктор философии. Сфера научных интересов – социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Суториус Константин Владимирович – к.и.н., доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, специалист по истории отечественного образования, педагогики Нового времени.

Ведюшкин Владимир Александрович – к.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Испании XV–XVII.

СОДЕРЖАНИЕ

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>А.Б. Герштейн</i> САМОЗВАНЧЕСТВО КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА	5
<i>И.А. Миролубов</i> ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ЧЛЕНАМИ ЕГО СЕМЬИ	17
<i>С.И. Лучицкая</i> «ПРОЗЫВАЕТЕ ЕГО ПРОРОКОМ, СЧИТАЕТЕ ЕГО ПОСЛАНЦЕМ БОГА?» ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ О КРИТЕРИЯХ ОТЛИЧИЯ ИСТИННОГО ПРОРОКА ОТ САМОЗВАНЦА	37
<i>Л.Б. Сукина</i> ЦАРЬ БОГОИЗБРАННЫЙ, А НЕ САМОЗВАННЫЙ В РОССИИ 1666 ГОДА (ТЕМА БЛАГОСЛОВЕНИЯ РОДА ПРАВЕДНЫХ ГОСУДАРЕЙ В «МЕЧЕ ДУХОВНОМ» ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА)	53
<i>Е.Д. Браун</i> САМОЗВАНЕЦ ИЛИ ВСЁ-ТАКИ ПРИНЦ? ПЕРКИН УОРБЕК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЧАН	70
<i>О.И. Тогоева</i> МНИМЫЕ БОГАЧИ И ПОДДЕЛЬНЫЕ НИЩЕ: УЛИЧНЫЕ МОШЕННИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ	95
<i>К.А. Худин</i> ВРАЧИ-САМОЗВАНЦЫ И ВРАЧИ-ШАРЛАТАНЫ: ПРИЗНАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ XVII ВЕКА	111

- О.В. Окунева*
САМОНАЗВАННЫЕ ФРАНЦУЗЫ И «БРАТЯ ФРАНЦУЗОВ»
В БРАЗИЛИИ XVI ВЕКА 129

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ

- А.Д. Щеглов*
ВАДСТЕНСКИЙ ДИАРИЙ И ВАДСТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ 159

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОРТРЕТА

- Д. Олариу*
ТЕЛО И ПОРТРЕТ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
ВЫСТАВЛЕНИЕ ТЕЛ УСОПШИХ, ПОСМЕРТНЫЕ
МАСКИ И МИМЕТИЧЕСКОЕ НАДГРОБНОЕ
ИЗОБРАЖЕНИЕ (*пер. С.И. Лучицкой*) 195

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

- Н. Бисаха*
ПАПА ПИЙ II И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
(*пер. С.И. Лучицкой*) 228

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

- А.Г. Авдеев*
АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ БЕДОВ: КАШИНСКИЙ
СЛУЖИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, МОСКОВСКИЙ ДВОРЯНИН,
ВОЕВОДА, МОНАХ, СТРОИТЕЛЬ СТЕН
КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ 252

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

- И.М. Супоницкая*
ЭВОЛЮЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ: РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 Г. ГЛАЗАМИ ДВУХ ЭМИГРАНТОК 285

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ*К.А. Левинсон*

«А НЕНАВИДЕТЬ У МЕНЯ ЕСТЬ КОГО»:
ЗЛОСТЬ, ГНЕВ И ИХ (НЕ)ВЫРАЖЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ 30–40-Х ГОДОВ XX ВЕКА 334

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ*К.В. Суториус*

КУРС ЛОГИКИ СОФРОНИЯ ЛИХУДА И НОВЫЕ
ДОКУМЕНТЫ ПО ЕГО ИСТОРИИ 354

РЕЦЕНЗИИ*С.И. Лучицкая*

ЛЕГЕНДА О РЫЦАРЕ ЛЕБЕДЯ
(рец.: *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du
Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558).
Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation
par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.) 386

А.Д. Щеглов

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ДАТСКИХ ХРОНИК
(рец.: Датские хроники XII века / Перевод с лат., дат.,
швед. и крит. аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова,
О.А. Маркеловой, О.В. Кутарева и
А.Б. Рукавишников-Радонежского.
М.: «Русская панорама», 2022. 344 с.;
Датские анналы XII–XIV веков / перевод с латинского,
датского и критический аппарат А.С. Досаева,
И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой и О.В. Кутарева.
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2024. 368 с.) 396

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Д.Э. Харитоновичу — 80 лет 401

IN MEMORIAM

А.Ф. Кофман (17.08.1954 – 16.05.2024)	404
ABSTRACTS	413
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	424
СОДЕРЖАНИЕ	426
CONTENTS	430

CONTENTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

<i>A.B. Gerstein</i> IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION	5
<i>I.A. Mirolyubov</i> GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY	17
<i>S.I. Luchitskaya</i> «DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?» PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR	37
<i>L.B. Sukina</i> TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA 1666 (THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR BARANOVICH)	53
<i>H.D. Braun</i> AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY	70
<i>O.I. Togoeva</i> IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE	95
<i>K.S. Khudin</i> SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA	111

O.V. Okuneva

- SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S
BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL 129

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

- DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY 159

ON HISTORY OF MEDIEVAL PORTRAIT

D. Olariu

- BODY AND PORTRAIT IN THE LATE MIDDLE AGES.
DEMONSTRATION OF THE BODIES OF DEAD, DEATH
MASKS AND MIMETIC FUNERAL IMAGE 195

THE OTHER HISTORY OF THE CRUSADES

N. Bisaha

- POPE PIUS II AND THE CRUSADE 228

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

- ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS
MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN,
THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE
WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY 252

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

- EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT: THE RUSSIAN
REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF
TWO ÉMIGRÉS 285

HISTORY OF THE EMOTIONS*K.A. Levinson*

- I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND
HOW (NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW
STATE UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND
EARLY 1940S. 334

HISTORY OF THE EDUCATION*K.V. Sutorius*

- THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHU D AND
THE NEW SOURCES ON ITS HISTORY 354

REVIEWS*S.I. Luchitskaya*

- THE STORY OF THE SWAN KNIGHT 386

A.D. Scheglov

- THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES 396

ANNIVERSARIES

- THE 80th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH
KHARITONOVICH 401

IN MEMORIAM

- A.F. KOFMAN (17.08.1954 – 16.05.2024) 404

- ABSTRACTS 413

- LIST OF OUR AUTHORS 426

- CONTENTS 430

Одиссей. Человек в истории

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И
САМОЗВАНЧЕСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
2024 №№1-2 (32-33)

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024 г.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объём – 27 усл.-печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод —
100 экз.)
Зак. №

Ленинский проспект, 32а